

рический очерк позволяет увидеть, как параллельно вопросам, специфическим именно для немецкого языка (например, с таким его излюбленным приемом создания новых слов, как словосложение, или таким интересным явлением, как отделяемость приставок), возникают и более общие, и более сложные проблемы, существенные для обособления словообразования в самостоятельную дисциплину: проблемы отграничения его от словоизменения, проблемы его соотношения с синтаксисом, проблемы формального анализа словообразовательных явлений в его отличии от анализа семасиологического и ономасиологического и т. д.

Отчетливо ощущается, что в этой части работы ставилась цель «показать, что современные теоретические построения имеют глубокие исторические корни» (с. 9), и она явно выигрывает по сравнению со страницами, посвященными характеристике современного состояния исследований о словообразовании немецкого языка. Так, кажется досадным упущением отсутствие анализа интересных работ В. В. Мотца, Г. Брекле, Э. Косериу, а также Х. Маршана; жаль также, что здесь не дано сравнение взглядов лингвистов ГДР и ФРГ на природу и сущность словообразовательных процессов.

Интересно и информативно написан раздел о развитии теории немецкого словообразования в советской лингвистике (М. Д. Степанова). Ведь начиная с 30-х годов в ней велись оригинальные исследования словосложения и аффиксации, закладывались основы специальной терминологии (см. работы В. М. Жирмунского и А. В. Десницкой, Л. В. Зиндера и Т. В. Стровой-Сокольской), наконец, уже в начале 50-х годов появилась первая специальная работа по словообразованию немецкого языка самой М. Д. Степановой, ныне входящая в золотой фонд описаний этого языка и положившая начало многочисленным работам советских исследователей по немецкому словообразованию, выполненным в том же русле.

Исторический очерк закономерно приводит читателя к следующим главам книги, где рассматриваются прежде всего основные понятия и методы словообразования. Интересно, что в отличие от советских исследователей, оперирующих главным образом такой центральной единицей словообразовательной системы, как производное слово, В. Фляйшер вводит в качестве главного понятие словообразовательной конструкции как «комплекса различных морфем», обладающего чертами стабильности и в то же время особыми отношениями между его составляющими (см. с. 65 и сл.). Подобное определение помогает понять, почему в книге уделяется столь большое внимание определению словообразовательных морфем и их классов, инвентарю этих морфем, а далее и проблемам морфемного анализа производных и сложных слов.

Наиболее интересными страницами

этого раздела можно, по всей видимости, считать страницы, посвященные понятию мотивированности словообразовательных конструкций и вскрытию диалектического противоречия между семантической прозрачностью наименования в момент его создания и дальнейшей демотивацией наименования. Наступающая со временем лексикализация словообразовательной конструкции приводит постепенно к тому, что ее экстенционал уже не может быть выведен из номинативной структуры, хотя некоторые признаки обозначаемого предмета эта структура и сохраняет. Нельзя также не поддержать общей идеи книги, неоднократно здесь повторяемой, о том, что коммуникативная роль словообразовательной конструкции (производного слова) определяется, с одной стороны, ее существованием в качестве номинативной единицы, параллельной простому слову и подобно ему составляющей часть лексикона данного языка и его словарного состава. С другой стороны, словообразовательные конструкции выступают в предложении как своеобразные варианты синтаксических конструкций и в этом качестве оказываются способными выполнять функции синтаксического словосочетания (см. с. 75 и др.). Схема, по которой могут быть образованы серии словообразовательных конструкций с одинаковой структурой, определяет понятие словообразовательной модели, и соответственно описание системы словообразования мыслится как описание представленных в ней словообразовательных моделей, учитывающее, с одной стороны, словообразовательные правила, по которым строятся эти модели, а с другой — диапазон действия этих правил (их продуктивности, а также налагаемых на них ограничений).

Примечательно, что основы теории словообразования авторы книги связывают не только с установлением главных его единиц, но и с существующими здесь методами словообразовательного анализа. В других терминах это положение можно интерпретировать в том смысле, что адекватное описание словообразовательной системы считается невозможным без привлечения данных морфологического, компонентного и трансформационного анализа. Первый определяет в структуре слова его морфологические характеристики (и, в частности, типы морфем, реализующие ту или иную структуру), он открывает дорогу отдельному рассмотрению ономасиологических функций корневых и аффиксальных морфем (см. с. 97 и сл.) и ведет далее к сопоставлению данных морфемного членения с непосредственно составляющими словообразовательной конструкции. Трансформационный анализ, в противовес морфемному, мыслится М. Д. Степановой как вскрывающий соотношения синтаксических конструкций и производных слов с точки зрения установления: а) возможной взаимозамены одного другим; б) мотивированности значения производного;